

Рудольф ШТЕЙНЕР

ОЧЕРК
ТАЙНОВЕДЕНИЯ

МИСТИКА
И
МАГИЯ

Рудольф Штайнер

Очерк тайноведения

«Неоглори»

Штайнер Р.

Очерк тайноведения / Р. Штайнер — «Неоглори»,

Рудольф Штейнер (1861–1925), немецкий философ, основатель антропософии, в предлагаемой читателям книге, как и во многих других, развивает оккультно-мистическое учение о человеке как носителе «тайных» духовных сил, выявление и раскрытие которых можно осуществлять с помощью особой системы воспитания. Книга предназначена для всех, интересующихся оккультными науками, а также для широкого круга читателей.

© Штайнер Р.

© Неоглори

Содержание

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ	5
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ	9
ГЛАВА 1	13
ГЛАВА 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Рудольф Штейнер

Очерк тайноведения

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ

Кто решается излагать данные духовно-научных исследований такого рода, какие приведены в этой книге, тот должен прежде всего считаться с тем, что этот род в настоящее время в широких кругах считается невозможным. Не высказываются ли в последующем изложении вещи, о которых строгое, по нашему времени, мышление утверждает, что они «для человеческого ума остаются, по-видимому, вообще неразрешимыми». Кто знает и умеет ценить мотивы, приводящие многих серьезных людей к утверждению подобной невозможности, у того всегда будет желание снова попытаться показать, на каких недоразумениях основывается вера, будто человеческому познанию не дано проникать в сверхчувственные миры.

Ибо мы имеем перед собой двойное. Во-первых, ни одна человеческая душа не сможет при более глубоком размышлении надолго замкнуться перед фактом, что ее самые важные вопросы о смысле и значении жизни должны были бы остаться без ответа, если бы не было доступа к сверхчувственным мирам. Можно теоретически обманывать себя относительно этого факта, но глубины душевной жизни не последуют за этим самообманом. Кто не хочет прислушиваться к этим душевным глубинам, тот, естественно, отклонит рассуждения о сверхчувственных мирах. Однако, есть люди, число которых поистине не так уже мало, которые никак не могут оставаться глухи к требованиям этих глубин. Они всегда будут стучаться во врата, которые, по мнению других, закрывают «непостижимое».

Во-вторых, отнюдь не следует считать маловажными доводы «строгого мышления». Кто имеет с ними дело, тот там, где нужно отнестись к ним серьезно, сумеет вполне почувствовать эту серьезность. Автор этой книги не желал бы, чтобы на него смотрели как на человека, который с легким сердцем пренебрегает громадной работой мысли, которая была приложена к определению границ человеческого разума. С этой работой мысли нельзя разделаться несколькими общими фразами о «школьной мудрости» и т. д. Работа эта, как она проявляется во многих случаях, имеет свой источник в истинном борении познания и подлинной остроте ума. Следует даже признать гораздо большее: существуют доводы в пользу того, что познание, которое в настоящее время считается научным, не может проникать в сверхчувственные миры, и эти доводы в известном смысле неопровержимы.

Так как это без дальних слов признается и самим автором этой книги, то многим может показаться очень странным, что он все-таки решается давать сообщения, касающиеся сверхчувственных миров. Чтобы кто-нибудь допускал в известном смысле доводы в пользу непознаваемости сверхчувственных миров и тем не менее говорил об этих сверхчувственных мирах, это кажется прямо-таки невозможным. И все же такое отношение возможно. И можно в то же время понимать, что это отношение будет ощущаться как противоречивое. Ведь не каждый вникает в те опыты, которые выносишь, когда с человеческим рассудком подходишь к сверхчувственной области. Тогда оказывается, что доказательства этого рассудка могут быть неопровержимыми и, однако, несмотря на свою неопровержимость, могут не иметь для действительности решающего значения. Вместо всяких теоретических толкований сделаем здесь попытку объяснить при помощи сравнения. Что сравнения сами по себе недоказательны, это признается без дальних слов. Но это не мешает им часто делать понятным то, что должно быть выражено.

Человеческое познание, как оно работает в повседневной жизни и в обыкновенной науке, действительно таково, что не может проникать в сверхчувственные миры. Это можно доказать неопровержимо; однако это доказательство будет иметь для известного рода душевной жизни ту же цену, как и доводы, приводимые в пользу того, что естественный глаз человека с его способностью зрения не может проникать до мелких клеточек живого существа или до строения отдаленных небесных тел. Как правильно и доказуемо утверждение, что обычная способность зрения не проникает до клеточек, столь же правильно и доказуемо и другое утверждение – что обыкновенное познание не может проникать в сверхчувственные миры. И тем не менее доказательство, что обыкновенная способность зрения должна остановиться перед клеточками, ничего не говорит против исследования клеточек. Почему же доказательство, что обыкновенная способность познания принуждена остановиться перед сверхчувственными мирами, должно говорить против исследуемости этих миров?

Можно вполне отдавать себе отчет в ощущении, которое многие должны испытать при этом сравнении. Можно даже понимать, когда высказывается сомнение, имеет ли человек, выступающий против этой работы мысли с подобным сравнением, хотя бы только смутное представление о всей серьезности этой работы. И однако пишущий эти строки не только проникнут этой серьезностью, но и придерживается взгляда, что эта работа мысли относится к благороднейшему, что сделано человечеством. Доказывать, что человеческая способность зрения не может невооруженной проникать до клеточек, было бы, конечно, бесполезным занятием; но осознать в строгом мышлении природу этого мышления является необходимой духовной работой. Если человек, отдающийся этой работе, не замечает, что действительность может опровергнуть его, то это легко можно понять. Насколько неуместно в предварительных замечаниях к этой книге вдаваться в разбор многих «опровержений», последовавших на первые издания со стороны лиц, у которых отсутствует всякое понимание поставленной здесь задачи или которые направляют свои несправедливые нападки на личность автора, настолько же необходимо подчеркнуть, что в слишком низкой оценке серьезной научной мыслительной работы может заподозрить эту книгу лишь тот, кто хочет замкнуться перед образом мыслей, изложенным в этой книге.

Познание человека может быть усилено и укреплено, как может быть усилена способность зрения глаза. Только средства для укрепления познания – совершенно духовного рода: это внутренние, чисто душевные деятельности. Они состоят в том, что описывается в этой книге как медитация, концентрация (созерцание). Обыкновенная душевная жизнь связана с орудиями тела; укрепленная душевная жизнь освобождается от них. В настоящее время существуют направления мысли, для которых такое утверждение должно казаться совершенно бессмысленным и основанным лишь на самообмане. Такие направления мысли со своей точки зрения легко сумеют доказать, что «всякая душевная жизнь» связана с нервной системой. Кто стоит на точке зрения, с которой написана эта книга, тот вполне понимает такие доказательства. Он понимает тех, которые говорят, что только поверхностный человек способен утверждать, будто можно иметь какую-нибудь независимую от тела душевную жизнь, которые совершенно убеждены в том, что и для подобных душевных переживаний существует связь с нервной жизнью, но только «духовно-научный дилетантизм» не умеет разглядеть ее.

Тому, что описывается в этой книге, так резко противостоят здесь известные – вполне понятные – привычки мышления, что в настоящее время еще нет никакой надежды прийти к соглашению со многими. Мы касаемся здесь как раз той точки, где неизбежно возникает желание, чтобы в духовной жизни нашего времени люди отказались, как от несвойственного ей, от обычая тотчас же возводить в ересь и упрекать в фантастике, мечтательности и т. д. всякое направление исследования, резко отличное от их собственного. Но, с другой стороны, мы имеем перед собой уже и в настоящее время тот факт, что сверхчувственный способ исследования, как он представлен в этой книге, находит понимание со стороны известного количества

людей. Людей, которые понимают, что смысл жизни не раскрывается в общих фразах о душе, о «Я» и т. д., а может быть найден только при действительном вникании в результаты сверхчувственного исследования. И если автор этой книги глубоко ощущает теперь необходимость этого четвертого издания после сравнительно короткого промежутка времени, то это происходит не по нескромности, а из чувства радостного удовлетворения.

Чтобы нескромно подчеркивать появление этого нового издания, для этого автор слишком ясно чувствует, как мало отвечает оно и в теперешнем своем виде тому, чем оно, собственно, должно было бы быть как «очерк сверхчувственного мировоззрения». Для нового издания все было еще раз переработано, в важных местах были вставлены многие дополнения, относительно других мест были сделаны попытки более ясного изложения. Однако в многочисленных случаях автор чувствовал, как неподатливы оказываются средства доступного ему изложения по сравнению с тем, что показывает сверхчувственное исследование. Так, можно было указать не более как только путь к достижению тех представлений, какие даются в этой книге о развитии Сатурна, Солнца, Луны. В этой области также введена была вкратце в это издание новая важная точка зрения. Но переживания, касающиеся таких явлений, настолько отличаются от всех переживаний в чувственной области, что изложение их вынуждает к беспрерывной борьбе за выражения, которые казались бы хоть несколько удовлетворительными. Кто склонен вникнуть в сделанную здесь попытку изложения, может быть, заметит, что многое, чего не может сказать сухое слово, автор стремился дать в самом способе описания. Последнее ведется, например, при развитии Сатурна иначе, чем при развитии Солнца, и т. д.

Много дополнений и расширений, казавшихся важными автору этой книги, было внесено в новом издании во вторую часть книги, где говорится о «познании высших миров». Автор стремился наглядно представить род внутренних душевных процессов, благодаря которым познание освобождается от своих, присущих ему в чувственном мире, границ и делается способным к переживанию сверхчувственного мира. Автор пытался показать, что это переживание, хотя и приобретаемое совершенно внутренними средствами и путями, имеет, однако, не одно только субъективное значение для отдельного человека, который его достигает. Из изложения должно было стать ясным, что внутри души устраняется ее отъединенность и личная обособленность и достигается переживание, которое испытывает одинаковым образом каждый человек, который правильно, исходя из своих субъективных переживаний, вызывает это развитие. Только тогда, то есть только если представить себе это переживание именно таким, можно бывает отличить «познание сверхчувственных миров» от всех переживаний чисто субъективной мистики и т. д. О такой мистике можно сказать, что она все-таки более или менее субъективное дело самого мистика. Духовно-научная же школа души, как она здесь разумеется, стремится к таким объективным переживаниям, истинность которых хотя и познается совершенно внутренне, но которые именно поэтому и постигаются в их всеобщей значимости. И здесь мы опять-таки касаемся точки, где очень трудно прийти к соглашению со многими мыслительными привычками нашего времени.

В заключение автор книги хотел бы высказать замечание, чтобы и сочувствующими это изложение было принято за то самое, за что оно выдает себя по своему содержанию. В наше время весьма распространено стремление давать тому или иному духовному направлению какое-нибудь старое название. Только благодаря этому представляется оно иному чем-то ценным. Но позволительно спросить: что выиграет изложение этой книги от того, что оно будет обозначено, как «розенкрейцерское» или т. п.? Важно то, что здесь делается попытка проникнуть в сверхчувственные миры при помощи средств, которые в настоящий период развития возможны для души и соответствуют ей, и что с этой точки зрения рассматриваются загадки человеческой судьбы и человеческого бытия за пределами рождения и смерти. Дело здесь должно идти не о стремлении, носящем то или иное старое название, но о стремлении к истине.

С другой стороны, к изложенному в книге мировоззрению были применены также и с враждебным намерением разные обозначения. Не говоря уже о том, что те из них, которыми больше всего хотели задеть и дискредитировать автора, нелепы и объективно неверны, – такие обозначения характеризуют себя в своей недостойности тем, что умаляют совершенно независимое стремление к истине, а именно, судя о нем не из него самого, но пытаясь навязать другим как суждение, выдуманную ими самими или принятую без всяких оснований и распространяемую дальше зависимость от того или иного направления. Как ни необходимы эти слова ввиду многих нападков на автора, однако здесь он не хочет входить в дальнейшее обсуждение этого вопроса.

Написано в июне 1913 г. РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Кто предаст гласности такую книгу, как эта, тот должен быть в состоянии со спокойствием представить себе все оценки своего произведения, какие возможны в настоящее время. Так, например, возможно, что данное здесь изложение того или иного вопроса прочел бы человек, выработавший себе мысли об этих вещах сообразно с результатами научных исследований. И он мог бы прийти к следующему суждению: «Удивляешься, как вообще только возможны в наше время подобные утверждения. С простейшими естественнонаучными понятиями обходятся здесь так, что из этого можно заключить о прямо-таки непонятной неосведомленности в самых элементарных познаниях. Автор пользуется понятиями, например, «теплоты», так, как это мог бы сделать только тот, для кого прошел бесследно весь образ мышления современной физики. Каждый, кому знакомы хотя бы только первоначальные основы этой науки, мог бы показать ему, что то, что он говорит, не заслуживает даже названия дилетантства, и что это может быть охарактеризовано только выражением: «абсолютное невежество». Можно было бы привести много таких утверждений, выражающих подобную, вполне возможную оценку. Но после вышеприведенных замечаний мыслимо было бы, пожалуй, и следующее заключение: «Кто прочел несколько страниц из этой книги, тот отложит ее с улыбкой или с возмущением, смотря по своему темпераменту, и скажет себе: странно, однако, какие порождения может в настоящее время производить извращенное направление мышления. Лучше всего отнести эти рассуждения ко многим другим встречающимся ныне курьезам». Но что скажет автор этой книги, если бы он действительно услышал такую оценку? Не должен ли он просто, со своей точки зрения, счесть этого критика за читателя, не способного составить себе суждение, или даже за человека, у которого не хватает доброй воли, чтобы прийти к разумному суждению? На это следует ответить: нет, автор поступает так отнюдь не всегда. Он может представить себе, что его критик может быть очень умным лицом, а также дельным ученым или человеком, который вполне добросовестным образом составляет свое суждение. Ибо автор в состоянии вдуматься в душу такого лица и в мотивы, которые могут привести его к такому суждению. Чтобы сделать понятным, что действительно хочет сказать автор, необходимо нечто, кажущееся ему самому порой неуместным, но к чему как раз эта книга настойчиво побуждает, а именно: коснуться кое-чего личного. Во всяком случае в этом направлении не будет сказано ничего такого, что не стояло бы в связи с решением написать эту книгу. То, что говорится в такой книге, конечно, не имело бы права на существование, если бы оно носило только личный характер. Она должна содержать в себе изложение того, к чему может прийти каждый человек, и это должно быть сказано так, чтобы не было заметно никакой личной окраски, поскольку это вообще возможно. Итак, не в этом смысле надо понимать здесь личное. Оно должно иметь целью только объяснить, каким образом автор может находить понятной вышеприведенную оценку своих рассуждений и все-таки мог написать эту книгу. Конечно, могло бы быть нечто, что сделало бы излишним упоминание об этом личном: если бы обстоятельно остановиться на всех подробностях, показывающих, каким образом изложенное в этой книге в действительности все-таки согласуется со всеми успехами современной науки. Но для этого, конечно, необходимо было бы написать много томов как введение к этой книге. Так как они в настоящее мгновение не могут быть представлены, то автору кажется необходимым сказать, на основании каких личных обстоятельств он полагает себя вправе считать, что такое согласование может быть проведено удовлетворительно. Конечно, он никогда не решился бы напечатать то, что говорится в этой книге, например, относительно тепловых явлений, если бы он не мог признаться себе в следующем: он имел возможность уже тридцать лет тому назад заняться изучением физики,

которое коснулось различных областей этой науки. В области тепловых явлений особенным предметом изучения были тогда объяснения, принадлежащие к так называемой «механической теории теплоты». И эта «механическая теория теплоты» интересовала его даже совсем особенно. Историческое развитие соответствующих толкований, которое было тогда связано с такими именами, как Юлий Роберт Майер, Гельмгольц, Джоуль, Клаузиус и т. д., принадлежало к предметам его постоянного изучения. Благодаря этому он в пору своего учения создал себе достаточную основу и возможность, чтобы до настоящего времени следить за всеми фактическими успехами в области физического учения о теплоте и не встречать никаких препятствий для своих попыток проникновения во все то, что дает в этой области наука. Если бы автор должен был сказать себе, что он не в состоянии этого сделать, то это было бы для него основанием оставить изложенное в этой книге несказанным и ненаписанным. Он действительно сделал это своим основным правилом: говорить или писать в области духоведения только о том, о чем он может исчерпывающим, как ему кажется, образом сказать, и то, что знает об этом современная наука. Этим он отнюдь не хочет высказать чего-нибудь такого, что должно быть общим требованием, обращенным ко всем людям. Каждый с чувством полного права может быть вынужден сообщать и обнародовать то, к чему его побуждает его способность суждения, его здоровое чутье правды и его чувство, даже когда он не знает всего, что можно сказать об этих вещах с точки зрения современной науки. Автор этой книги желал бы придерживаться вышесказанного только в применении к себе. Он не сделал бы, например, тех нескольких утверждений о системе желез у человека или о человеческой нервной системе, которые приведены в этой книге, если бы он не был в состоянии попытаться высказаться об этих вещах также и в тех формах, в которых говорит современный ученый естествоиспытатель с точки зрения науки о системе желез или о нервной системе. Итак, несмотря на то, что возможно суждение, будто тот, кто говорит о «теплоте» так, как это сделано здесь, ничего не знает о начальных основах современной физики, все же остается верным, что автор этой книги считает себя в полном праве сделать то, что он сделал, так как он стремится быть действительно знакомым с результатами современных исследований и не стал бы так говорить, если бы они были ему чужды. Он знает, что мотив, по которому высказывается такое основное правило, очень легко может быть смешан с нескромностью. Но все-таки необходимо высказать это относительно этой книги, дабы истинные мотивы автора не были смешаны с совершенно другими. А такое смешение могло бы оказаться еще гораздо худшим, чем смешение с нескромностью.

Но возможна была бы оценка также и с философской точки зрения. Она могла бы сложиться следующим образом. Кто прочтет эту книгу как философ, тот спросит себя: «Неужели автор проспал всю теоретико-познавательную работу нашего времени? Неужели он никогда не слышал о существовании Канта и о том, что после него философски просто непозволительно говорить подобные вещи». Опять-таки можно было бы пойти дальше в этом направлении. Но суждение могло бы закончиться и так: «Для философа подобные не критические, наивные, дилетантские вещи невыносимы, и дальнейшее занятие ими было бы потерей времени». На основании того же мотива, который был указан выше, автор желал бы и здесь, несмотря на все недоразумения, которые могут в связи с этим возникнуть, снова привести нечто личное. Изучение им Канта началось на шестнадцатом году его жизни, и теперь он поистине считает себя в состоянии совершенно объективно судить с точки зрения Канта обо всем том, что говорится в данной книге. Он и с этой стороны имел бы основание оставить эту книгу ненаписанной, если бы он не знал того, что может побудить философа считать ее наивной, когда к ней приложен критический масштаб современности. Но можно действительно знать, как преступаются здесь в смысле Канта границы возможного познания; можно знать, как Герbart нашел бы здесь «наивный реализм», не дошедший до «выработки понятий» и т. д.; можно даже знать, как современный прагматизм Джемсе, Шиллера и т. д. нашел бы перейденной меру того, что суть «истинные представления», которые «мы можем себе усвоить, доказать, применить и прове-

речь».¹ Можно все это знать и, несмотря на это, даже именно поэтому, считать себя вправе написать все изложенное дальше. Автор этой книги высказал свой взгляд относительно философских направлений мысли в своих книгах: «Теория познания гетевского мировоззрения», «Истина и наука», «Философия свободы», «Мировоззрение Гете», «Миро- и жизневоззрения в девятнадцатом столетии».

Много различных возможных оценок можно было бы еще привести. Мог бы также встретиться человек, который прочел бы одну из более ранних книг автора, например «Миро- и жизневоззрения в девятнадцатом столетии» или, пожалуй, его маленькую книжечку «Геккель из его противники». Такой человек мог бы сказать: «Это просто непостижимо, как один и тот же человек мог написать те книги, а в то же время и эту, наряду с его уже появившейся «Теософией». Как можно было некогда так вступаться за Геккеля, а затем бросать вызов всему, что вытекает и исследований Геккеля, как здоровый «монизм»? Было бы понятно, если бы автор «Тайноведения» с «огнем и мечом» выступил против Геккеля; но что он защищал его, что он даже посвятил ему «Миро- и жизневоззрения в девятнадцатом столетии», – это есть самое чудовищное, что можно помыслить. Геккель, конечно, поблагодарил бы за это посвящение «недвусмысленным отклонением», если бы знал, что посвящающий некогда напишет нечто подобное этому «Тайноведению» с его более чем нескладным дуализмом». Автор этой книги придерживается того взгляда, что можно очень хорошо понимать Геккеля и все-таки не быть обязанным думать, что понимаешь его только, когда считаешь за бессмыслицу все, что не вытекает из собственных представлений и предпосылок Геккеля. Но далее он придерживается еще и того взгляда, что к пониманию Геккеля приходишь не тогда, когда борешься против него с «огнем и мечом», но когда вникаешь в то, что он дал науке. И менее всего полагает автор, что правы противники Геккеля, от которых он, например, в своей книге «Геккель и его противники» защищал великого естественнонаучного мыслителя. Поистине, если автор этой книги выходит за пределы предпосылок Геккеля и ставит духовный взгляд на мир рядом с чисто природным взглядом Геккеля, то из этого не следует, что он одного мнения с противниками последнего. Кто постарается правильно взглянуть на дело, тот сможет заметить согласие между нынешними трудами автора и прежними.

Автору совершенно понятен и такой критик, который просто, без дальних слов смотрит на изложенное в этой книге как на порождения дикой фантастики или мечтательной игры мысли. Но все, что можно сказать на это, содержится в самой книге. Там показано, как разумное мышление может и должно стать в полной мере пробным камнем для изложенного. Кто к этому изложенному применит способ разумной проверки так же, как она применяется соответственно с сущностью дела, например, к фактам естествоведения, только тот сможет решить, что говорит разум при такой проверке.

После того, как было так много сказано о лицах, готовых с самого начала отклонить эту книгу, может быть обращено несколько слов также и к тем, которые имеют основание отнестись к ней сочувственно. Для них, однако, самое существенное содержится в первой главе «Характер тайноведения». Но к этому здесь нужно прибавить еще несколько слов. Хотя книга занимается исследованиями, которые не могут быть произведены связанным с чувственным миром рассудком, однако в ней не приведено ничего такого, что может быть непонятно непредвзятому разуму и здоровому чувству правды каждого, кто захочет применить эти человеческие дарования. Автор говорит это прямо: он хотел бы прежде всего иметь читателей, которые не склонны слепо принимать на веру то, о чем здесь говорится, но стараются проверить сообщенное познаниями собственной души и опытами собственной жизни.² Он хотел бы прежде

¹ Можно было даже серьезно принять во внимание и изучить философию «Как если бы», бергсонизм и «Критику языка».

² Здесь подразумевается не только духовно-научная проверка при помощи сверхчувственных методов исследования, но прежде всего вполне возможная проверка, исходящая из здорового, непредубежденного мышления и человеческого рассудка

всего осторожных читателей, которые допускают лишь то, что может быть логически оправдано. Автор знает, что его книга не имела бы никакой цены, если бы она обращалась только к слепой вере; она пригодна, лишь поскольку она может оправдать себя перед непредвзятым рассудком. Слепая вера может так легко смешать нелепое и суеверное с истинным. Многие, охотно довольствующиеся простой верой в «сверхчувственное», найдут, что в этой книге от мышления требуется слишком многое. Но в данных здесь сообщениях дело идет действительно не о том только, чтобы что-нибудь сообщить, но о том, чтобы изложение было таким, какое надлежит для добросовестного воззрения в данной области жизни. Ведь это область, где в действительной жизни так легко соприкасаются высочайшие вещи с бессовестным шарлатанством и познание с суеверием, и где они прежде всего так легко могут быть смешаны.

Кто знаком с сверхчувственным исследованием, тот уже при чтении книги заметит, что была сделана попытка строго соблюсти границы между тем, что из области сверхчувственных познаний в настоящее время может и должно быть сообщено, и тем, что подлежит сообщению в позднейшее время или, по крайней мере, в иной форме.

Написано в декабре 1909 г. РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР.

ГЛАВА 1

ХАРАКТЕР ТАЙНОВЕДЕНИЯ

Слово «тайноведение» вызывает в настоящее время у различных людей совершенно противоположные ощущения. Как магическое обаяние действует оно на одного, как возвешение чего-то, к чему влекут его самые внутренние силы его души. Для другого же оно имеет нечто отталкивающее и вызывает в нем презрение, насмешку или сострадательную улыбку. Высокой целью человеческого стремления, венцом всего прочего знания и постижения является тайноведение для многих; праздною мечтательностью, фантастикой, заслуживающей такого же отношения, как суеверие, признают его люди, с величайшей серьезностью и благородной любовью к правде отдающиеся тому, что им представляется истинной наукой. Для одного оно как свет, без которого жизнь для него не имела бы цены; для другого – как духовная опасность, способная сбить с толку незрелые головы и слабые души. Между этими резко противоположными друг другу мнениями существуют всевозможные промежуточные ступени.

В том, кто выработал в себе известную непредвзятость суждения по отношению к тайноведению, к его приверженцам и противникам, странные ощущения может вызвать зрелище того, как люди, которым во многих вещах несомненно присуще подлинное чувство свободы, становятся нетерпимыми, когда дело касается названного духовного направления. И такой непредвзятый человек едва ли откажется признать, что многих приверженцев тайноведения – или оккультизма – привлекает к последнему не что иное, как роковое тяготение к неизвестному, таинственному или даже неясному. В такой же мере признает он и то, что доводы против фантастического и мечтательного, приводимые более серьезными противниками названного учения, обладают большой вескостью. Более того, занимающийся тайноведением хорошо сделает, если не упустит из виду того факта, что стремление к «таинственному» приводит людей к погоне за бесплодными, враждебными жизни блуждающими огнями.

Но если тайновед и отнесется бдительно ко всей сбивчивости сторонников его воззрений и ко всей правомерности доводов противников, все же у него есть основание, чтобы в этой борьбе мнений не выступать непосредственно защитником своих стремлений. Эти основания откроются тому, кто глубже займется тайноведением. Говорить о них здесь было бы поэтому излишним. Предварительное изложение этих оснований, пока не будут пройдены сами врата этой науки, все равно не могло бы убедить того, кто, удерживаемый неодолимым отращиванием, не хочет пройти через эти врата. Но перед душой того, кто войдет в эту науку, эти основания вскоре выступят во всей своей ясности из самой сути дела. А отсюда можно вывести, что тайноведа эти основания ведут к известному образу поведения, являющемуся для него единственно правильным. Он избегает, поскольку лишь это возможно, всякой внешней защиты и внешней борьбы и предоставляет самому делу говорить за себя. Он просто излагает «тайноведение», приводя то, что оно имеет сказать о том или ином, он показывает, как его познания относятся к другим областям жизни и знания, какие возможны возражения и как действительность говорит за эти познания. Он знает, что не только вследствие ошибочного мнения мышления, но и по известной внутренней необходимости такие «защиты» должны перейти в область искусства переубеждать, и он не может желать ничего иного, как только предоставить тайноведению действовать одному и самому по себе.

В тайноведении дело прежде всего вовсе не в изложении утверждений или мнений, требующих доказательства, а в чисто повествовательном сообщении опытов, которые могут быть сделаны в ином мире, нежели тот, который видим для физического глаза и осязаем для рук. Затем важно то, что этой наукой указываются также средства, с помощью которых человек может испытать истинность таких сообщений. А именно кто углубится в истинное тайнове-

дение, тот вскоре убедится, что благодаря этой науке изменяется многое в представлениях и идеях, которые обычно – и вполне правильно – составляешь себе в жизни. Неизбежно приобретаешь совершенно новые мысли также и о том, что до тех пор называл «доказательством». Учишься понимать, что это слово в некоторых областях теряет свое обычное значение, и что для постижения существуют иные основания, нежели такие «доказательства».

Всякое тайноведение прорастает из двух мыслей, которые могут найти почву в каждом человеке. Для тайноведа эти две мысли выражают собою факты, которые можно пережить, если пользоваться для этого правильными средствами. Для многих уже сами эти мысли являются в высшей степени оспоримыми утверждениями, допускающими много возражений, или даже чем-то таким, невозможность чего можно «доказать».

Обе эти мысли заключаются в том, что за видимым миром существует невидимый, скрытый пока для внешних чувств и связанного с ними мышления, и что человеку через развитие дремлющих в нем способностей возможно проникнуть в этот скрытый мир.

Такого скрытого мира не существует, говорит один. Мир, который человек воспринимает посредством своих внешних чувств, есть единственный мир. Его загадки могут быть разрешены из него самого. Если человек в настоящее время и очень еще далек от того, чтобы быть в состоянии ответить на все вопросы бытия, то все же наступит время, когда чувственный опыт и опирающаяся на него наука смогут дать эти ответы.

Нельзя утверждать, что не существует скрытого мира за миром видимым, говорят другие, но человеческие познавательные силы не могут проникнуть в этот мир. У них есть границы, которых они не могут переступить. Пусть потребность «веры» ищет своего прибежища в таком мире: истинная наука, опирающаяся на достоверные факты, не может заниматься подобным миром.

Третья группа считает своего рода дерзостью желание человека проникнуть посредством познавательной работы в область, по отношению к которой нужно отказаться от «знания» и ограничиться «верой». Приверженцы этого мнения считают незаконным стремление слабого человека проникнуть в мир, который может принадлежать исключительно религиозной жизни. Приводится еще и то, что возможно общее для всех людей познание фактов чувственного мира; относительно же сверхчувственных явлений вопрос может идти исключительно о личном мнении каждого человека, и не следовало бы говорить об общезначимой достоверности по отношению к этим вещам. Другие утверждают еще многое иное.

Тайноведу ясно, что рассмотрение видимого мира ставит человеку загадки, которые никогда не могут быть разрешены из фактов самого этого мира. Они даже и тогда не будут разрешены этим путем, когда наука об этих вещах подвинется вперед как бы то ни было далеко. Ибо видимые явления видимого мира своей собственной внутренней сущностью ясно указывают на существование скрытого мира. Кто этого не признает, тот замыкается перед загадками, которые всюду ясно выступают в фактах чувственного мира. Он не желает вовсе видеть известных вопросов и загадок: поэтому он полагает, что все вопросы могут быть разрешены из чувственных фактов. Те вопросы, которые он хочет ставить, действительно все могут быть разрешены из фактов, относительно которых он надеется, что они с течением времени будут открыты. С этим согласится и каждый истинный тайновед. Но зачем же ждать ответов в известных областях тому, кто вовсе не ставит никаких вопросов? Тайновед говорит только, что для него такие вопросы вполне естественны и что их следует признать законным проявлением человеческой души. Не может же наука быть втиснута в рамки тем, что человеку запретят свободно ставить вопросы.

К мнению, что познание человека имеет границы, которых он не может переступить, и которые вынуждают его становиться перед невидимым миром, тайновед относится так: он говорит: не может быть вовсе никакого сомнения, что при помощи того рода познания, который здесь разумеется, нельзя проникнуть в невидимый мир. Кто считает этот род познания

единственно возможным, тот не может прийти к иному мнению, так что человеку не дано проникнуть в высший мир, который, может быть, и существует. Но далее тайновед поясняет: можно развить новый род познания, и он ведет в невидимый мир. Если считать такой род познания невозможным, то приходишь к точке зрения, с которой всякая речь о невидимом мире представляется сущей бессмыслицей. Но для непредвзятого суждения ясно, что для такого мнения не может быть иного основания, как только то, что приверженцу этого мнения неизвестен этот род познания. Но как можно вообще судить о том, о чем утверждаешь, что оно тебе неизвестно? Тайноведение должно признать себя сторонником правила: говорить лишь о том, что знаешь, и ничего не утверждать о том, чего не знаешь. Оно может говорить только о праве человека сообщать то, что он узнал, но не о праве считать невозможным то, чего он не знает или не желает знать. Тайновед ни за кем не может оспаривать права не интересоваться невидимым, но никогда не может оказаться настоящего основания, по которому кто-нибудь мог бы считать себя компетентным не только в том, что он может знать, но также и во всем том, чего «человек» не может знать.

Тем, которые объявляют дерзостью проникновение в область невидимого, тайновед ставит только на вид, что такое проникновение возможно и что это грех против данных человеку способностей, если он дает им заглохнуть, вместо того чтобы развивать их и пользоваться ими.

Кто же думает, что воззрения на невидимый мир должны всецело относиться к личному мнению и чувству, тот отрицает то, что является общим во всех человеческих существах. Пусть будет даже правильным, что уразумение этих вещей каждый должен найти в самом себе, однако этот факт, что все те люди, которые лишь достаточно углубляются в эту область, приходят не к различному, но к одинаковому разуменению этих вещей. Разногласие существует лишь до тех пор, пока люди хотят приблизиться к высшим истинам, испытанным не путем тайноведения, а любыми иными путями. И истинное тайноведение, конечно, опять-таки соглашается без дальних слов, что только тот может признать правильность пути, кто уже шел этим путем или по крайней мере находится на нем. А все-такие люди признают эту правильность и всегда признавали ее.

Путь к тайноведению найдет в надлежащий момент каждый человек, который из видимого познает существование скрытого или даже только предполагает или смутно чувствует его и который путем сознания, что познавательные силы способны к развитию, приходит к чувству, что скрытое может ему раскрыться. Человеку, которого эти душевные переживания приводят к тайноведению, последнее дает не только надежду, что он найдет ответ на известные вопросы, поставленные его стремлением к познанию, но еще и иную надежду, что он победит все, что задерживает и ослабляет жизнь. А в известном высшем смысле это означает ослабление жизни, даже душевную смерть, когда человек оказывается вынужденным отвернуться от невидимого или отрицать его. При известных условиях это приводит даже к отчаянию, когда человек теряет надежду, что скрытое может ему раскрыться. Эта смерть и это отчаяние в их многообразных формах являются в то же время внутренними душевными врагами тайноведения. Они наступают, когда иссякает внутренняя сила человека. Тогда вся сила жизни должна притекать извне, если ему вообще суждено обладать ею. Он воспринимает тогда вещи, существа и события, которые доходят до его внешних чувств; он расчленяет их своим рассудком. Они доставляют ему радость и горе; они побуждают его к поступкам, на которые он способен. Так может он продолжать некоторое время, но все же когда-нибудь дойдет до такой точки, когда он внутренне умрет. Ибо то, что человек может таким образом впитывать в себя из мира, истощается. Это не утверждение, исходящее из личного опыта отдельного человека, а нечто, вытекающее из непредвзятого рассмотрения всей человеческой жизни. От этого истощения предохраняет то скрытое, что покоится в глубине вещей. Когда в человеке отмирает сила опускаться в эти глубины, чтобы почерпнуть из них все новую жизненную силу, то под конец и внешнее вещей оказывается уже не в состоянии поддерживать жизнь.

Дело обстоит отнюдь не так, что оно касается только отдельного человека, только его личного блага и горя. Именно в тайноведении для человека становится достоверностью, что с высшей точки зрения благо и горе отдельного человека тесно связаны со спасением и гибелью всего мира. Есть путь, на котором человек приходит к уразумению, что он причиняет зло всему миру и всем существам в нем, если он не дает надлежащим образом раскрыться своим силам. Если человек опустошает свою жизнь тем, что теряет связь с невидимым, то он не только разрушает в своем внутреннем нечто, умирание чего может под конец привести его к отчаянию, но создает своей слабостью препятствие развитию всего мира, в котором он живет.

Но человек может обманываться. Он может отдаться вере, что скрытого не существует, что в доходящем до его внешних чувств и рассудка уже содержится все, что вообще только может существовать. Но заблуждение возможно только для поверхности сознания, а не для его глубины. Чувство и желание не подчиняются этой обманчивой вере. Они всегда каким-нибудь образом будут жаждать скрытого. И когда оно бывает у них отнято, они ввергают человека в сомнение, в жизненную неуверенность и даже в отчаяние. Тайноведение, делающее скрытое явным, способно преодолеть всякую безнадежность, всякую жизненную неуверенность, всякое отчаяние, словом, все то, что ослабляет жизнь и делает ее не способной к должному служению в мироздании.

Это и является прекрасным плодом тайноведения, что оно придает жизни силу и крепость, а не одно лишь удовлетворение жажды знания. Источник, откуда тайновед черпает силу для работы и уверенность для жизни, неиссякаем. Никто, однажды действительно подошедший к этому источнику, не уйдет от него неподкрепленным при вторичном прикосновении к нему.

Есть люди, которые на том основании ничего не хотят знать о тайноведении, что они в только что сказанном видят уже нечто нездоровое. По отношению к поверхности жизни и к ее внешней стороне такие люди вполне правы. Они не хотят дать заглохнуть тому, что предлагает жизнь в так называемой действительности. Они видят слабость в том, что человек отвращается от действительности и ищет своего спасения в скрытом мире, который для них ведь равен фантастическому, вымышленному. Если в качестве тайноведа не хочешь впасть в болезненную мечтательность и слабость, то надо признать частичную правомерность таких возражений. Ибо они зиждутся на здравом суждении, которое только потому ведет не к целой, а к половинной истине, что оно не проникает в глубины вещей, а останавливается на их поверхности. Если бы тайноведению было свойственно ослаблять жизнь и удалять человека от истинной действительности, то такие возражения были бы, конечно, достаточно сильны, чтобы лишить почвы это духовное направление. Но и по отношению к таким мнениям тайноведение вступило бы на неправильный путь, если бы захотело защищать себя в обыкновенном смысле этого слова. И здесь за него может говорить только то, что оно дает тому, кто углубляется в него: истинную жизненную силу и жизненную крепость. Оно не ослабляет жизни, а укрепляет ее, ибо оно снабжает человека силами не только видимого, но также и скрытого мира, действием которого является мир видимый. Оно означает, таким образом, не оскудение, а обогащение жизни. Истинный тайновед становится не чуждым миру человеком, а другом действительности; ибо он не стремится в мечтательном уединении от мира наслаждаться невидимым, но его наслаждение состоит в том, чтобы доставлять миру все новые силы из невидимых источников, из которых берет начало сам этот мир, и из которых он постоянно должен оплодотворяться.

Много препятствий встает на пути перед некоторыми людьми, когда они подходят к тайноведению. Одно из них выражается в том, что человек, пытающийся сделать первые шаги в этом направлении, пугается того, что он сначала вводится в подробности сверхчувственного мира, которые ему предстоит изучать со всяким терпением и усердием. Ему дается целый ряд сообщений о скрытом существе человека, о совершенно определенных событиях в том царстве, вратами в которое служит смерть, о развитии человека, земли, всей солнечной системы. Он ожидал, что одним прыжком легко попадет в сверхчувственный мир. Тогда он говорит: все,

что мне дается здесь, служит пищей для моего духа, но оставляет мою душу холодной. Я стремлюсь углубить мою душу, я хочу найти себя в себе самом. Что возносит душу в сферу Божественного, что приводит ее на ее родину – вот, чего я ищу, а не сообщений о существовании человека и о мировых событиях. Люди, которые так говорят, даже и не подозревают, что именно такими ощущениями они наглухо закрывают вход к тому, чего ищут. Ибо именно когда они со свободным, открытым чувством, с усердием и терпением познают то, что они называют «только» пищей для духа, тогда, и только тогда, найдут они для своей души то, чего они жаждут. Тот путь ведет к соединению души с Божественным, который дарует ей познание творений этого Божественного. Возвышение сердца есть следствие ознакомления с творениями духа.

Поэтому тайноведение должно начать с сообщений, которые указывают на области духовного мира. И эта книга также начнет с описания того, что из невидимых миров может быть раскрыто посредством духовного исследования. Здесь будет сказано о том, что смертно и что бессмертно в человеке в его связи с миром, которого он член.

Затем последует изложение средств, при помощи которых человек может развить дремлющие в нем познавательные силы, которые вводят его самого в этот мир. Об этих средствах будет сказано в той мере, как это возможно сделать в настоящее время в подобной книге. Можно было бы подумать, что раньше всего следовало бы сказать об этих средствах. Ибо, казалось бы, прежде всего важно познакомить человека с тем, что может привести его с помощью его собственной силы к желанному созерцанию высшего мира. Многие могут сказать: какая мне польза, когда другие сообщают мне то, что они знают о высших мирах; я хочу сам заглянуть в них. Но дело обстоит так, что для действительно плодотворного переживания тайн скрытого мира безусловно необходимо предварительное знакомство с некоторыми фактами из этого мира. Почему это так – станет достаточно ясно из последующего изложения. Но ошибочно думать, будто истины тайноведения, сообщаемые знающими людьми, прежде всякого указания средств для проникновения в духовный мир, могут быть приняты и постигнуты только при помощи высшего зрения, вытекающего из развития дремлющих в человеке сил. Это не так. Для нахождения и исследования тайн сверхчувственного мира необходимо высшее зрение. Никто не может без ясновидения, равнозначного такому высшему зрению, найти факты этого невидимого мира. Но когда об них сообщают повествовательно, как о найденных фактах, то всякий, кто только применит к ним во всем объеме обыкновенный рассудок и непредвзятое суждение, может уразуметь их и поднять для себя до высокой степени убедительности. Если кто утверждает, что эти тайны для него непонятны, то это никогда не происходит от того, что он еще не обладает ясновидением, а от того, что ему еще не удалось привести в действие познавательные силы, которые могут быть у всякого и без ясновидения.

Новый способ излагать эти вещи состоит в том, чтобы по исследовании их путем ясновидения представить их так, чтобы они были вполне доступны суждению. Но если только не замкнуться в предрассудках, то нет препятствий к тому, чтобы составить себе суждение и без высшего зрения. Правда, многие найдут, что этот новый способ изложения, как он дан в этой книге, совершенно не соответствует их привычным формам суждения. Однако такое возражение вскоре исчезнет у того, кто постарается довести эти привычные формы действительно до их последних выводов.

Когда человек, таким образом, путем расширенного применения повседневной способности представления, воспринял и нашел понятными известное число высших тайн, тогда для него наступает настоящий момент применить к своей собственной личности средства тайноведческого исследования, дающие ему возможность найти путь в невидимый мир.

По духу и истинному смыслу ни один настоящий ученый не сможет найти противоречий между своей, построенной на фактах чувственного мира наукой, и тем, как производит свои исследования тайноведение. Ученый пользуется известными орудиями и методами. Орудия он добывает себе переработкой того, что дает ему «природа». Тайноведение также пользуется

орудием. Только это орудие есть сам человек. И это орудие должно быть также сперва приготовлено для высшего исследования. Способности и силы, данные человеку «природой», сначала без его содействия, должны быть превращены в нем в высшие. Через это человек может сделать себя сам орудием для исследования невидимого мира.

ГЛАВА 2

СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

При рассмотрении человека в духе тайноведения тотчас же вступает в силу все, что относится к этой науке вообще. Она основана на признании сокрытого за тем, что открыто внешним чувствам и примененному к их восприятиям рассудку. Этим внешним чувствам и этому рассудку доступна только часть того, что раскрывается тайноведением как совокупное существо человека. Эта часть есть физическое тело. Чтобы осветить понятие о физическом теле, тайноведение направляет прежде всего внимание на одно явление, простирающееся как великая загадка над всеми наблюдениями жизни: на смерть и в связи в ней на так называемую безжизненную природу, на царство минерального. Этим указывается на факты, разъяснение которых относится к задачам тайноведения и которым должна быть посвящена значительная часть этой книги. Здесь же должны быть намечены пока для ориентировки только некоторые представления.

В области видимого физическое тело для тайноведения есть то, в чем человек тождествен минеральному миру. То же, что отличает человека от минерала, оно физическим телом не считает. Для тайноведения важен прежде всего факт, что смерть отделяет ту часть человеческого существа, которая при жизни является однородной с минеральным миром. Оно указывает на труп как на то в человеке, что подобным же образом находится и в царстве минерального. Оно резко подчеркивает тот факт, что в этом члене человеческого существа, который оно рассматривает как физическое тело и который смертью превращается в труп, действуют те же вещества и силы, что и в минеральной области; но оно не менее резко подчеркивает, что со смертью для этого физического тела наступает распадение. Поэтому оно говорит: конечно, в физическом теле человека действуют те же вещества и силы, как и в минерале, но их деятельность во время жизни подчинена более высокому служению. Они бывают предоставлены самим себе лишь с наступлением смерти. Тогда они проявляются, как и должны проявляться, сообразно своей собственной сущности, а именно как деятели разложения физического тела.

Итак, в человеке следует резко отделять видимое от сокрытого. Ибо во время жизни сокрытое принуждено вести постоянную борьбу против веществ и сил минерального. Этим указывается на ту точку, с которой тайноведение начинает свое рассмотрение. Его задача состоит в определении того, что ведет означенную борьбу. А это именно и скрыто от наблюдения внешних чувств. Оно доступно только ясновидящему наблюдению. Как достигает человек того, чтобы это «сокрытое» стало для него столь же видимым, как чувственные явления для обыкновенного зрения, об этом будет речь в одной из дальнейших глав этой книги. Здесь же, по указанной уже раньше причине, будет описано то, что открывается ясновидящему наблюдению. Только тогда сообщения о пути, которым достигается высшее зрение, могут иметь ценность для человека, когда он сначала из простой передачи ознакомится с тем, что раскрывает ясновидящее исследование. Ибо понимать в этой области можно и то, что сам еще не наблюдаешь. Путь, исходящий из понимания, и есть именно хороший путь, ведущий к зрению.

Если даже то сокрытое, что в физическом теле ведет борьбу против распадения, доступно наблюдению только при помощи высшего зрения, – то в своих действиях оно явственно и для способности суждения ограничивающейся видимым. И эти действия выражаются в том образе или в той форме, в которую бывают сплочены во время жизни минеральные вещества и силы физического тела. Эта форма мало-помалу исчезает, и по наступлении смерти физическое тело становится частью остального минерального мира. Но ясновидящий может наблюдать как самостоятельный член человеческого существа то, что во время жизни препятствует физическим веществам и силам идти своими путями, ведущими к разложению физического

тела. Он называет этот самостоятельный член «эфирным телом» или «жизненным телом». Для того, чтобы сейчас же, в самом начале, не вкратились недоразумения, необходимо относительно этих обозначений второго члена человеческого существа принять во внимание двойное. Слово «эфир» употребляется здесь в ином смысле, нежели в современной физике. Последняя пользуется, например, словом эфир для обозначения носителя света. В тайноведении же значение этого слова должно быть ограничено в указанном выше смысле. Оно должно быть применено к тому, что доступно высшему зрению и что дает знать о себе чувственному наблюдению только в своих действиях, а именно тем, что оно может давать определенную форму или образ находящимся в физическом теле минеральным веществам и силам. И слово «тело» также не должно быть понято превратно. Для обозначения высших явлений бытия приходится все же пользоваться словами обыкновенного языка. А они выражают для чувственного наблюдения только чувственное. В чувственном смысле «эфирное тело» отнюдь не является, конечно, чем-то телесным, каким бы тонким ни представлять себе это телесное.

Когда тайновед доходит до упоминания об этом «эфирном» или «жизненном теле», он касается уже той точки, где ему приходится встречать противоречие со стороны многих современных взглядов. Развитие человеческого духа привело к тому, что в наше время упоминание о таком члене человеческого существа рассматривается как что-то ненаучное. Материалистический образ представления пришел к тому, что не видит в живом теле ничего иного, кроме сочетания физических веществ и сил, какое встречается и в так называемом безжизненном теле, в минерале. Но только в живом это сочетание сложнее, чем в безжизненном. Не так давно и в обыкновенной науке придерживались еще других взглядов. Кто проследит труды некоторых серьезных ученых первой половины девятнадцатого столетия, тому станет ясно, что и «настоящие естествоиспытатели» сознавали тогда, что в живом теле содержится еще нечто иное, чем в безжизненном минерале. Говорили о «жизненной силе». Хотя под этой «жизненной силой» представляли себе не то, что было обозначено выше, как «жизненное тело», но в основе означенного представления все же лежит смутное чувство, что существует нечто подобное. Эту «жизненную силу» представляли себе приблизительно так, как если бы она в живом теле присоединялась к физическим веществам и силам вроде того, как магнитная сила к чистому железу в магните. Затем наступило время, когда эта «жизненная сила» была удалена из области науки. Хотели обойтись во всем одними только физическими и химическими причинами. В настоящее время у некоторых естественнонаучных мыслителей опять наступил в этом отношении поворот к прежнему. Иные соглашаются, что признание чего-то похожего на «жизненную силу» все же не полная бессмыслица. Но даже и тот «ученый», который снисходит до этого, не захочет быть заодно с тайноведом относительно, «жизненного тела». Отстаивать точку зрения тайноведения в споре с такими взглядами обычно ни к чему. Делом тайноведа было бы скорее признать, что материалистический образ представления является необходимым сопутствующим явлением великого успеха естествознания в наше время. Этот успех основан на громадном утончении средств чувственного наблюдения. И это уже лежит в самом существе человека, что он в своем развитии доводит отдельные способности до известной степени совершенства за счет других. Точное чувственное наблюдение, развивающееся в такой значительной мере благодаря естествознанию, должно было отодвинуть на задний план разработку тех человеческих способностей, которые ведут в «сокрытые миры». Но теперь опять наступила пора, когда эта разработка стала необходимой. И к признанию сокрытого приводит не борьба с суждениями, вытекающими с логической последовательностью из отрицания этого сокрытого, а правильное освещение самого этого сокрытого. Тогда признают его те, для кого «настало время».

Это необходимо было сказать здесь только ради того, чтобы не предполагали незнакомства тайноведения с точками зрения естественных наук, когда оно говорит об «эфирном теле», которое в некоторых кругах должно ведь считаться чем-то совершенно фантастическим.

Итак, это эфирное тело есть второй член человеческого существа. Для ясновидящего ему присуща более высокая степень действительности, чем физическому телу. Описание того, каким его видит ясновидящий, может быть дано только в следующих главах этой книги, когда выяснится, в каком смысле надо принимать такие описания. Пока достаточно сказать, что эфирное тело всюду проникает физическое тело и что на него нужно смотреть как на своего рода строителя физического тела. Все органы поддерживаются в их форме и образе течениями и движениями эфирного тела. В основе физического сердца лежит «эфирное сердце», в основе физического мозга – «эфирный мозг», и т. д. Эфирное тело расчленено в самом себе подобно физическому, но только сложнее, и в нем все находится в живом взаимном проникновении там, где в физическом теле имеются обособленные части.

Это эфирное тело человек имеет общим с растительным миром так же, как с миром минеральным он имеет общим тело физическое. Все живое имеет свое эфирное тело.

От эфирного тела тайноведческое рассмотрение восходит к следующему члену человеческого существа. Чтобы составить представление об этом члене, оно указывает на явление сна, как при теле эфирном оно указывало на смерть. Все человеческое творчество, поскольку дело идет о видимом, основано на деятельности в бодрственном состоянии. Но эта деятельность возможна только, когда человек все снова и снова черпает из сна подкрепление для своих истощенных сил. Деятельность и мышление прекращаются во время сна, всякое горе, всякая радость исчезает для сознательной жизни. Как из скрытых, таинственных источников при пробуждении человека поднимаются сознательные силы из бессознательности сна. Это то же самое сознание, которое при засыпании погружается в темные глубины и снова восходит при пробуждении. То, что все снова пробуждает жизнь из состояния бессознательности, и есть в смысле тайноведения третий член человеческого существа. Его называют астральным телом. Как физическое тело не может сохранить своей формы при помощи находящихся в нем минеральных веществ и сил, но должно быть пронизано для этого сохранения эфирным телом, так и силы эфирного тела не могут сами озарить себя светом сознания. Эфирное тело, предоставленное самому себе, должно было бы постоянно находиться в состоянии сна. Можно также сказать: оно могло бы поддерживать в физическом теле только растительное бытие. Бодрствующее эфирное тело просветлено телом астральным. Для чувственного наблюдения действие этого астрального тела исчезает, когда человек погружается в сон. Для ясновидящего наблюдения астральное тело еще продолжает существовать, но только является отделенным от эфирного тела или извлеченным из него. Чувственное наблюдение имеет дело не с самим астральным телом, а только с его действиями в видимом. А таковых во время сна непосредственно не существует. В том же смысле, в каком человек имеет свое физическое тело общим с минералами, а свое эфирное тело – общим с растениями, так относительно своего астрального тела он однороден с животными. Растения находятся в постоянном состоянии сна. Кто неточно судит об этих вещах, легко может впасть в ошибку, приписав и растениям род сознания, какое имеют в бодрственном состоянии животные и люди. Но это может произойти только, если составить себе неточное представление о сознании. Тогда говорят, что растение, подвергнутое внешнему раздражению, совершает известные движения, как и животное. Говорят о чувствительности некоторых растений, которые, например, свертывают свои листья, когда на них воздействуют какие-нибудь внешние предметы. Но не то является характерным для сознания, что существо отвечает на действие известным противодействием, а что оно переживает внутри себя нечто, присоединяющееся к простому противодействию, как что-то новое. Иначе можно было бы также говорить о сознании, когда кусок железа расширяется под влиянием тепла. Сознание имеется лишь тогда, когда существо под действием тепла переживает, например, внутренне боль.

Четвертый член своего существа, приписываемый ему тайноведением, человек не имеет уже более общим с окружающим его миром видимого. Это то, что отличает его по отношению

к другим существам, то, благодаря чему он является венцом ближайшим образом связанного с ним творения. Тайноведение составляет представление об этом четвертом члене человеческого существа, указывая на то, что и между бодрственными переживаниями есть существенное различие. Это различие выступает тотчас, когда человек направляет свое внимание на то обстоятельство, что в бодрственном состоянии он постоянно находится с одной стороны, среди переживаний, которые должны появляться и исчезать, а с другой стороны, у него есть переживания, при которых это не имеет места. Это выступит особенно резко, если сравнить переживания человека с переживаниями животного. Животное переживает с большой равномерностью влияния внешнего мира и под влиянием тепла и холода сознает страдание и радость, а при известных равномерно протекающих процессах своего тела – голод и жажду. Жизнь человека такими переживаниями не исчерпывается. Он может развить в себе страсти и желания, выходящие за пределы всего этого. У животного всегда можно было бы установить, – если бы только можно было достаточно проследить это, – где вне тела или в теле находится побуждение к поступку, к ощущению. У человека это отнюдь не так. Он может порождать желания и страсти, для возникновения которых нет достаточного повода ни внутри, ни вне его тела. Все, что входит в эту область, надо отнести к особому источнику. И этот источник, в смысле тайноведения, надо видеть в «Я» человека. Поэтому Я рассматривается, как четвертый член человеческого существа. Если бы астральное тело было предоставлено самому себе, в нем протекали бы радость и боль, чувства голода и жажды; но что не возникало бы тогда, так это ощущение, что во всем этом есть нечто пребывающее. Не пребывающее как таковое обозначается здесь как Я, но то, чем переживается это пребывающее. В этой области, чтобы не возникло недоразумений, следует брать понятия в их совершенно точном значении. С восприятием чего-то длящегося, пребывающего в смене внутренних переживаний начинается пробуждение «чувства Я». Не то, что существо ощущает, например, голод, может сообщить ему чувство Я. Голод появляется, когда в данном существе снова сказываются обуславливающие его причины. Оно потому именно и набрасывается тогда на свою пищу, что имеются эти возобновившиеся причины. Чувство Я наступает не тогда, когда эти возобновившиеся причины влекут к пище, но только если при предыдущем насыщении возникло удовольствие и осталось сознание этого удовольствия, так что к пище влечет не только настоящее переживание голода, но и прошедшее переживание удовольствия. Как физическое тело распадается, если его не сдерживает тело эфирное, как эфирное тело погружается в бессознательность, если его не просветляет тело астральное, так астральное тело должно все снова и снова предавать прошлое забвению, если Я не спасает этого прошлого, перенося его в настоящее. Что для физического тела смерть, для эфирного тела – сон, то для астрального тела забвение. Можно также сказать: эфирному телу присуща жизнь, астральному телу – сознание, а Я присуще воспоминание.

Еще легче, чем впасть в ошибку, приписывая растению сознание, можно впасть в иную ошибку – признавая у животного воспоминание. Ведь так легко принять за воспоминание, когда собака узнает своего хозяина, которого она, может быть, довольно давно не видала. Но в действительности такое узнавание основано вовсе не на воспоминании, а на чем-то совершенно ином. Собака ощущает известное притяжение к своему хозяину. Оно исходит из существа этого последнего. Это существо доставляет собаке удовольствие, когда ее хозяин находится вблизи нее, и присутствие хозяина каждый раз является поводом к возобновлению удовольствия. О воспоминании же можно говорить только тогда, когда какое-нибудь существо не только ощущает что-либо, переживая в настоящем, но и сохраняет переживания прошлого. Но даже и соглашаясь с этим, можно было бы все-таки впасть в ошибку, приписывая собаке воспоминание. А именно можно было бы сказать: она тоскует, когда хозяин покидает ее, следовательно, у нее остается воспоминание о нем. Но и такое суждение неправильно. Благодаря совместной жизни с хозяином, его присутствие становится для собаки потребностью, а потому

отсутствие его она ощущает подобным образом, как она ощущает голод. Кто не делает таких различий, никогда не уяснит себе истинных жизненных отношений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.